

Я стояла посреди пустой комнаты, связанная по рукам и ногам, и ожидала, что будет.

Где-то там, возможно прямо за этой металлической дверью, больше похожей на дверку сейфа, сейчас решалась моя участь. Есть вероятность, что не выйду отсюда живой...

Скорее всего не выйду.

Дэвид Кронберг — один из самых могущественных людей в городе, а то и во всем штате — отличается особой жестокостью. Я слышала немало историй о том, как он делает дела. И от многих леденела кровь.

Правдивы ли они?

Вряд ли все как одна. Но правды в этих рассказах много.

Мне следовало подумать об этом тогда, когда я влезла в сеть его корпорации, чтобы украсть данные. Но я тогда думала только о деньгах, которые мне предложили. Это была слишком крупная сумма, и я купилась.

Жадность — это плохо. Ну и к чему мне теперь деньги? Хоть бы и все деньги мира!

Я попыталась пошевелить руками, туго скованными наручниками, и поморщилась от боли.

Металл впился в кожу. Лучше не дергаться — об этом предупредили сразу.

Могли бы и не говорить. Я ведь не Копперфилд, чтобы выпутываться из наручников!

— Ты в его вкусе, — раздался сзади женский голос.

Я резко обернулась и тут же застонала от боли. Тут умеют связывать! Меня с любопытством разглядывала темноволосая незнакомая женщина.

— Можешь не бояться. Ты останешься жива... Скорее всего. Только соглашайся на все. Я не шучу, буквально на все.

То, как она произнесла это «все», явно предполагало сексуальный контекст. Я внимательно присмотрелась к ней. Миниатюрная брюнетка, глубокое декольте не скрывает, а подчеркивает упругую грудь. Темные джинсы.

Я едва сдержала усмешку. Она, похоже, тоже в его вкусе, так что знает, о чем говорит.

— Я должна буду с ним переспать? — настороженно спросила я.

По-деловому, без лишнего драматизма.

О, если бы все оказалось так просто. Секс с миллиардером куда лучше смерти! Что бы там ни говорили девицы, чтобы покрасоваться. «Да я скорее умру, чем буду с ним!» Ага, как же! Я хоть честна перед собой. Я лучше пересплю с десятком миллиардеров, будь они хоть стариками. Лишь бы остаться живой. От душевных травм помогут несколько часов с психотерапевтом. А от смерти лекарства еще не придумали.

— С ним? — Женщина хмыкнула. — Это вряд ли, можешь и не мечтать... Но он придумает, как позабавиться. Не сомневайся.

Она усмехнулась и исчезла за одной из дверей. А мне стало не по себе. Теперь ожидание стало еще более напряженным.

Что она имела в виду, говоря «позабавиться»? Какие-нибудь изощренные пытки?.. Может ли это быть чем-то настолько ужасным, что я предпочла бы смерть?

Где-то через час (мне этот час показался вечностью) в темной комнате появился мордovorot. Тот самый, что связывал меня.

— Мистер Кронберг хотел бы вас наказать... Передать в руки полиции. Или, к примеру, утопить... — Он говорил так спокойно, что было ясно — все это правда.

— Нет, пожалуйста... — взмолилась я. — Я готова на все... Абсолютно на все!

Это упоминание было не лишним, судя по тому, что я слышала от женщины.

Короткий кивок, несколько быстрых и точных движений — и вот уже на мне нет наручников, а я потираю затекшие запястья.

— Синяя комната, — говорит мой тюремщик кому-то по рации.

И словно из-под земли вырастают двое крепких ребят, блондин и брюнет, и тащат меня куда-то.

Я не сопротивляюсь.

Я действительно готова ко всему.

И стараюсь не думать о чертовой символичности — кажется, что я попала в чистилище. Под

руку со мной ночь и день. И непонятно, где больше угрозы.

Но это лучше, чем ад.

Надеюсь, что лучше...

* * *

Большая и пустая комната.

Зеркало во всю стену.

И мне почему-то кажется, что это не просто зеркало. Такая специальная штука, чтобы подсматривать с той стороны. Похоже, девица неплохо осведомлена о местных порядках.

— Раздевайся, — говорит один из сопровождающих.

Брюнет — отмечаю, мазнув по нему взглядом.

Значит, сегодня главная ночь...

Судорожно выдыхаю...
не хочу думать о том,
чтобы не подчиниться
и сказать ему «нет».

Да уж... похоже, девица была кругом права. Мне не придется спать с миллиардером. Он отдал меня своим охранникам. Что ж, они, по крайней мере, не старики. На

вид обоим лет тридцать, максимум тридцать пять.

— Не заставляй себя ждать, — снова подает голос мужчина.

В его взгляде нет того равнодушного холода, который должен быть у вышколенного сотрудника охраны. Напротив, теперь он улыбается снисходительно.

Странно, но в его голосе, взгляде, позе, в фигуре чувствуется сила. Не та, что положена охранникам, — физическая, а другая. Ей подчи-

няешься не задумываясь. Потому что противостоять невозможно, кажется, что у тебя нет выбора.

Будет только так, как он хочет.

Так — не иначе.

А за сопротивление...

Наткнувшись на пронизывающий взгляд темных глаз, судорожно выдыхаю... не хочу думать о том, чтобы не подчиниться, чтобы сказать ему «нет», даже дать ему понять, что такие мысли вообще меня посещали.

Нельзя...

Мужчина недовольно прищуривается, и я, не медля более ни секунды, стягиваю с себя майку и облегающие спортивные брюки. Остаюсь в одном белье, но холода нет.

Мне жарко, душно от взглядов мужчин, которые смотрят на мой стриптиз со скупым интересом.

Не нравится? Не подхожу? Только скажите, и я уйду, я...

Вопросительно, с толикой надежды кошусь на того, который велел раздеваться. Мне кажется, из них двоих главный именно он. А второй...

Не смотрю в его сторону, пока старательно не смотрю, чтобы не думать, не позволять укорениться в сознании мысли, что их будет двое.

— Снимай все! — отдает очередной приказ первый охранник.

Я не ошиблась.

Именно брютет принимает решения. По крайней мере, на этом уровне.

— Плохо слышишь? — вкрадчиво интересуется он.

Дрожащими пальцами берусь за застежку бюстгальтера, пытаюсь открыть ее, но пальцы упрямо соскальзывают.

До меня доносится нетерпеливый выдох одного из мужчин — понятия не имею, первого или второго. Но кто-то из них уже недоволен, и это плохо, для меня очень плохо...

Да и зеркало — не стоит о нем забывать. Что, если тот, кто находится по ту сторону, тоже мной недоволен?

Через пару секунд я стою перед мужчинами полностью обнаженной. И зачем-то делаю шаг навстречу тому, который отдавал мне приказы.

Ноздри улавливают тонкий, терпкий запах его парфюма, и по коже проходит легкая дрожь. Предвкушение, страх, желание — целый коктейль.

Оба охранника по-прежнему в форме — никто даже и не подумал расстегнуть хоть пуговицу. Этот контраст — мое голое тело на фоне экипированных вооруженных мужчин — делает меня еще более беззащитной. И почему-то рождает внутри странное ощущение... очень похожее на возбуждение, хотя...

Непривычно, не та обстановка, не те обстоятельства, мужчины, которых я вижу впервые...

Двое мужчин...

Впрочем, они не собираются просто смотреть на меня. Блондин неспешно подходит сзади, хва-

тает за волосы и силой заставляет опуститься на колени.

Усесться на пятки не позволяет — так же, удерживая за волосы, прижимает к себе. И удерживает, достаточно сильно, чтобы я ощутила затылком и осознала всю степень его нетерпения.

Но я почему-то смотрю прямо перед собой, на того мужчину, который отдавал мне приказы.

Он лениво наблюдает за мной и, кажется, подмечает все, а потом приближается с похотливой усмешкой.

Секунда, вжикнула молния — и вот уже перед моим лицом оголенный член.

Сглотнув, приоткрываю рот, демонстрируя покорность и готовность ко всему. Да, это сделка, не более, и цена за мою свободу, но...

Странно, но сейчас я действительно хотела узнать, каков он на вкус, и даже сама к нему потянулась.

Только охранник, кажется, никуда не спешит — позволяет лишь прикоснуться к члену губами, а потом чуть отодвигается. Проводит подушечками пальцев по моим устам, заставляя раскрыться их.

— Хороший рот, — сухо констатирует он.

Не знаю, то ли его голос с властными нотками, то ли явная отстраненность и демонстративная незаинтересованность в том, что сейчас происходит, жутко заводят.

Мне хочется к нему прикоснуться, хочется снова попробовать...

Я немного подаюсь вперед, чтобы обхватить головку губами, словно стремясь выиграть в этой

странной игре. Но боль не позволяет этого сделать — блондин все еще крепко держит за волосы.

И все же мне удается едва коснуться головки языком.

Взгляд охранника темнеет еще больше, предупреждая, что на этом игра закончилась.

— Все для тебя, — хмыкнув, он погружает член в мой рот, входя сразу и глубоко.

А я удовлетворенно выдыхаю, как будто наконец получаю то, что хотела давно.

Я не просто хочу,
я страстно желаю
большего... Все жела-
ния сливаются
в одно — почувство-
вать этот огромный
член внутри себя.

И нет запретов, ведь это мое желание, пусть я о нем и не помню. Нет рамок, уз, которые держат, если не считать рук блондина, который так и не отпускает мои волосы.

Я медленно плавлюсь в тихом огне, который подталки-

вает меня начать уже действовать. И я лижу, покусываю член, стараясь уловить ритм мужчины.

Ночь не дремлет. Брюнет входит в мой рот грубо, жестко, до самого горла. А я тянусь к нему, словно прошу еще больше, насаживаюсь, несмотря на легкую боль на затылке.

И с легким ужасом ощущаю, как усиливается внизу тягучее, томное ощущение...

Слепому видно, а тем более этим двоим, которые за мной наблюдают, что я не просто хочу, я страстно желаю большего... Кажется, все желания сливаются только в одно — почувствовать этот огромный член внутри себя. Попробовать его не только губами и языком.

Издаю жалобный стон, потому что сейчас это невозможно. И неожиданно мужчина останавливается, тяжело дыша, и выходит.

И тут же руки, удерживавшие мои волосы, дарят свободу.

Все... неужели на этом все, и...

Но сильные руки блондина тут же подхватывают меня.

Я и опомниться не успеваю, как оказываюсь на диванчике — как я его раньше не замечала! Но теперь он отлично виден, к тому же прямо над диваном зажигается лампа.

Блондин бросает взгляд на зеркало и отступает, оставляя меня. Значит, я права — за нами действительно наблюдают. Но сейчас даже это заводит. Или особенно это.

Между тем охранники сбрасывают форменные рубашки, и я невольно люблюсь крепкими, словно высеченными из мрамора телами. Кубики пресса хочется не просто пересчитать, а пройти по ним языком, опускаясь поочередно по темной и светлой дорожке, которые искушающими змейками прячутся под поясом брюк.

Грядущее наказание уже видится мне совсем в другом свете. Но я понимаю, что расслабляться рано и на двух даже таких манящих дорожках можно легко заблудиться.

— Не гори так быстро, — говорит брюнет, поймав мой жадный взгляд на себе, — у нас на тебя долгие планы.

Оба мужчины друг другу под стать — сильные, жесткие... оба действуют решительно и не стес-

нясь. Но теперь я окончательно убеждаюсь, кто тут главный, хозяин положения и кому следует подчиняться.

Это чувствовалось и ранее — в немногочисленных приказах и жестах, а сейчас подтверждается. Ночь... сегодня всем правит ночь...

И она опять наступает.

— Покажи себя, — отдает мужчина очередное распоряжение.

Не отводя взгляда от сурового лица, сгибаю ноги в коленях, медленно развожу в стороны.

— Еще!

Послушно исполняю и этот приказ, не в силах, и главное — не желая сопротивляться.

Несколько долгих секунд мужчина удовлетворенно рассматривает меня, а потом опускается на диван. Я готова ко всему, после этих его просьб даже к тому, что он просто набросится, а я вытерплю, сожму зубы и вытерплю, но...

Пальцы мужчины задерживаются на шее, подушечка большого пальца поглаживает выемку, а потом горячие ладони начинают скользить по плечам и талии. Невольно выдыхаю, не ожидая от него этой ласки.

— Тише... — слышу не просьбу, приказ, в то время как пальцы мужчины уже продвигаются по моему животу, спускаясь все ниже и ниже.

О господи...

Невольно прикрываю глаза, давлю в себе судорожные вздохи — только бы не останавливался, не медлил, не мучил меня. Пожалуйста, я... пожалуйста... только бы он...

А через несколько мгновений я не в состоянии даже думать, впитывая всем телом эти неожиданные ласки.

В какой-то момент я даже забываю, что мы не одни, и испуганно дергаюсь, когда мои бедра сжимает блондин. Но он заставляет к себе быстро привыкнуть, не дает шанса снова забыть о том, что он здесь. Его ладони становятся все более нетерпеливыми, страстными, горячими, жадными.

Двое мужчин...

С двух сторон от меня.

Двое сильно возбужденных мужчин, которые явно хотят большего, чем ласки руками. Но я и сама горю от порочного предвкушения.

Страсть сжимает внутренности, затыкает стыдливость и открывает меня для мужчин.

Их прикосновения, их дыхание, запахи — все смешивается в густой комок удовольствия. Все меньше я думаю

о том, что у них в голове, что именно они хотят со мной сделать и как я выдержу, если у меня ни разу не было сразу двоих...

Все меньше меня это волнует.

Гораздо сильнее меня заставляют волноваться их набухшие члены, которые трутся о мое тело, оставляя следы смазки, запах и тягучее нетерпение.

Мои соски затвердели, и даже если бы я хотела скрыть свое возбуждение, меня бы выдали мои стоны. Это просто невыносимо...

Жесткие руки снова возвращают в реальность — я пленница и смогу уйти, улететь, ускользнуть лишь тогда, когда позволят они.
